

Николай
Чуковский

ЯРОСЛАВЛЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 88

Оформление обложки Валерия Гореликова

Чуковский Н.

Ч 88 Ярославль : роман / Николай Чуковский. — СПб. :
Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-389-34044-2

Николай Корнеевич Чуковский — автор увлекательнейших «Водителей фрегатов», военных драм «Морской охотник» и «Балтийское небо», художественно-биографических романов «Капитан Крузенштерн», «Беринг», в 1938 году написал небольшой, но яркий роман «Ярославль» — книгу о шестнадцати днях жизни города, оказавшегося местом противостояния вооруженных белогвардейцев и Красной армии. Роман позволяет увидеть один из переломных моментов в истории Ярославля и глазами сражающихся с обеих сторон, и глазами простых обывателей.

Ярославский мятеж стал звеном в цепи контрреволюционных восстаний в Рыбинске, Муроме и Москве, подстрекаемых правительствами стран Антанты. Победа мятежников в Ярославле и продвижение белогвардейских войск на север России должны были расчистить дорогу десанту интервентов, высадка которого ожидалась в Архангельске. Однако хорошо подготовленное и даже вполне успешно начавшееся восстание потерпело поражение, утратив поддержку главной силы, движущей историей страны, — народа. Но и цена народного выбора легла тяжелым бременем на судьбу древнего русского города.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Н. К. Чуковский (наследники), 2026
© Ярославский музей-заповедник, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34044-2

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

1

Всю ту душную ночь с пятого на шестое июля 1918 года Настя, дочь акушерки Автономовой, спала тревожно, стонала и плакала во сне.

Вчера вечером на Волжской набережной она встретила Павла Ивановича — Пашу, Пашеньку, которого ждала два года.

Два года тому назад Павел Иванович уезжал на фронт под Ригу, и ей казалось, что роднее нет у нее человека. Тогда, летом шестнадцатого года, она была еще девочкой с длинными косами, только что перешла в последний класс женской гимназии Корсунской. Павел Иванович тогда приехал после ранения в Ярославль к тетке и прожил в Ярославле два месяца. Они познакомились и каждый вечер по многу часов гуляли вдвоем над Волгой и разговаривали. Говорил чаще он, потому что он был уже совсем взрослый, гораздо больше видел и знал, а Настя слушала. Говорили они обо всем на свете, кроме любви, о любви не было сказано тогда ни слова. Но Настя в то лето была убеждена, что они оба любят друг друга, что это и без слов само собой разумеется, что любовь их не кончится никогда, и даже предстоящая разлука ее не очень тревожи-

ла. Однако, после того как он уехал, Настю мало-помалу начали мучить сомнения. А вдруг он вовсе не любит ее и никогда не любил? Разлука оказалась тяжелой. Забыть его ей не удавалось. Все эти два года она каждый день вспоминала его слова, глаза, руки. Ко всему, что происходило вокруг, она относилась так, как, по ее представлениям, отнеслась бы Павел Иванович.

И вдруг оказалось, что Павел Иванович уже несколько дней в Ярославле, а к ней не зашел, и встретились они нечаянно — столкнулись на набережной, — и, когда встретились, он не сказал ей того, что ей хотелось от него услышать. Он очень изменился за два года, похудел, почернел, мальчишеская округлость лица совсем исчезла. Он ей обрадовался, сказал, что она еще выросла, проводил ее до дому. Спросил ее, что она делает, и она ответила, что ведет кружок на пристани, учит грузчиков грамоте. Потом спросил, как поживает Антонина Ивановна, Настина мама. О себе он сказал только, что приехал в Ярославль на работу и очень занят.

Помянул он и об их прогулках два года назад и, помянув, улыбнулся. И вдруг стало ей ясно, что эти прогулки он вспоминает как что-то далекое, мило-детское и незначительное. И что и тогда, два года назад, к прогулкам их и разговорам, ко всей их тогдашней дружбе он относился не так, как она.

И всю ночь ей снова и снова снилось, как они вдвоем идут вдоль реки, как летние бледные звезды сияют сквозь листья над их головами, как она

ждет, что вот-вот он скажет ей, скажет, а он молчит, отворачивается и вдруг исчезает во тьме. И такая нестерпимая тоска охватывала Настю, такая мучила тревога, что она стонала и плакала во сне.

* * *

Внезапно резкий отчетливый звук разбудил ее. Она открыла глаза.

Многоцветные сумерки июльской северной ночи заполняли комнату. Печально сияло зеркало на комод. Груда тетрадок лежала на подоконнике — тетрадки ее учеников из кружка на пристани.

Настя прислушалась. Первые несколько мгновений она не слышала ничего, кроме ровного дыхания своего брата Коли, который спал в той же комнате на сундуке.

Потом вдали прозвучали выстрелы, один за другим.

Настя села.

Сначала ей пришло в голову, что это забавляются левые эсеры на даче Грязнова. Дачу Грязнова, бывшего управляющего Большой Ярославской Мануфактурой, месяцев семь тому назад захватила «боевая дружина» левых эсеров, и по ночам после попок там нередко развлекались стрельбой. Нет, это не дача Грязнова... Дача Грязнова здесь, в Заоторосльной стороне, а звуки выстрелов доносились из города.

Ей припомнились разговоры последних дней о каких-то подозрительных людях, понаехавших в Ярославль невесть откуда, о бывших офицерах, которые до того обнаглели, что разгуливают по

бульвару и Волжской набережной, нацепив погоны и царские кокарды.

Павел ночует в губвоенкомате. Он сам ей сказал вчера, что комнаты у него еще нет и что он спит на столе военного комиссара. Что случилось в городе?.. Если в городе что-нибудь случилось, так Павел...

Настя спустила ноги с кровати и босиком подбежала к окну. За стеклом было уже совсем светло, но солнце еще не встало, и прозрачные сумерки держались кое-где, цепляясь за деревья, стены и заборы. Настя увидела дворы, сараи, крапиву, деревянные двухэтажные дома; увидела окна, отражавшие посветлевшее небо; увидела неподвижных голубей на крышах, а за крышами — высокий противоположный берег Которосли, по зеленому склону которого вились светло-серые тропинки. Там, на противоположном берегу, был город. Ни одного человека за окном, мир еще по-ночному пуст. И странно было слышать выстрелы в этой неподвижной пустыне, озаренной светом предутреннего неба.

Настя отошла от окна и несколько раз пробежала взад и вперед по комнате между своей кроватью и сундучком, на котором спал Коля.

Она увидела себя в зеркале и машинально оставалась. Лицо у нее было испуганное, губы плотно сжаты. Коса, толстая и желтая, наполовину расплелась. Худощавые ее плечи с выступающими ключицами перетянуты лямками рубашки. Рослая сильная девушка с таким обыкновенным лицом... За последнее время она, думая о Павле Иваныче,

часто смотрелась в это зеркало и все огорчалась, что у нее такое обыкновенное лицо... Но теперь, после их вчерашней встречи на набережной Волги, уже все равно, какое у нее лицо...

Снова раздался выстрел, отчетливый и гулкий, где-то совсем недалеко, за Которослью, и потом выстрелы затрещали, как разгорающаяся лучина.

Она взглянула на Колю. Коля спал крепким детским сном, приоткрыв рот, и не слышал стрельбы, которая то затихала, то разгоралась снова. Колины волосы, такие же желтые, как у Насти, торчали ежиком на круглой голове.

Настя, спеша, надела юбку и кофту, обулась, скрутила косу на затылке и воткнула шпильки. Она ни мгновения больше не могла оставаться здесь одна, ничего не зная.

Выйти на лестницу можно было только через комнату матери. Сдерживая дыхание, она осторожно приоткрыла дверь. Мать Насти, Антонина Ивановна Автономова, много лет работала акушеркой и привыкла, что ее будят по ночам. Она спала, не слыша выстрелов, но Настя знала, что она проснется при малейшем шорохе возле кровати. Каждый вечер, когда Настя поздно возвращалась домой и проходила через комнату матери, Антонина Ивановна просыпалась и спрашивала:

— Кто там?

В этом «кто там?» Насте всегда слышался укор. Она постоянно старалась пройти через комнату матери, не дыша, ни на что не наткнувшись. А сейчас она особенно боялась разбудить мать, так как знала, что мать никуда ее не отпустит.

Беззвучно прокралась она мимо кровати Антонины Ивановны и уже приоткрыла дверь на лестницу. Но тут кровать под Антониной Ивановной скрипнула, и роковое «кто там?» прозвучало.

— Я, я! — шепотом ответила Настя.

Она шмыгнула за дверь и, не оборачиваясь, побежала вниз по деревянным скрипучим ступенькам.

Внизу, проходя через сени, она услышала протяжный фабричный гудок. Это запела Большая Мануфактура, на два часа раньше срока.

В темных сенях Настя столкнулась с Константином Федотычем и Ваней, которые поспешно выходили из своей квартиры.

Константин Федотыч и его племянник Ваня жили на нижнем этаже.

Настя открыла наружную дверь. В сени ворвался свет, озарив седую бороду Константина Федотыча и заблестев в его очках.

Константин Федотыч был ткач с Большой Мануфактуры. После Октября он стал губернским комиссаром финансов. Низенький, большоголовый, он был одет, как обычно, — жилетка поверх синей рубахи, картуз и высокие сапоги.

Он вышел вслед за Настей, и Настя с тревогой взглянула ему в лицо. Но лицо у него, как всегда, было спокойное и строгое. Разве только под очками, в морщинках, сбегающихся со всех сторон к его маленьким выцветшим глазам, скрывалось что-то не совсем обычное, напряженное.

Зато Ваня был откровенно возбужден и взволнован. Полосатая матросская тельняшка обтягивала его выпуклую широкую грудь. В голых руках, покрытых изображениями якорей и женщин, он держал винтовку.

Увидев Настю, они нисколько не удивились и ни о чем не спросили. Протяжный вой гудка все еще висел над низкими крышами Закоторосльной стороны. Настя торопливо выбежала со двора на улицу, боясь, как бы мать не остановила ее, Константин Федотыч и Ваня шли за ней.

Кривая немощеная улица, покрытая мягкой, остывшей за ночь пылью, оживала. В низких деревянных домах то тут, то там раскрывались окна, и из окон высывались головы, прислушиваясь к вою гудка, который проникал всюду, во все каморки, чуланы и кухни. В соседнем доме распахнулись ворота, и оттуда выскочили двое с винтовками, застегивая на бегу рубахи. Не оборачиваясь, они побежали к Большой Мануфактуре.

Ваня тоже спешил к Большой Мануфактуре, а Константин Федотыч свернул направо, к мосту через Которосль.

Настя пошла с Константином Федотычем.

— Куда ты? — спросил ее Ваня. — Тебе со мной.

— Я с Константином Федотычем, — ответила Настя.

— Ему в банк нужно, — сказал Ваня. — Пойдем вместе. Слышишь, зовут.

— Мне надо в город, — сказала Настя.

Ваня с удивлением и тревогой посмотрел на Настю, потом повернулся и быстро зашагал прочь.

Настя пошла рядом с Константином Федотычем к мосту. Они шли посреди улицы, и Настины туфли тонули в пыли. Константин Федотыч ростом был ей по плечо. Он молчал и ни разу не взглянул на нее.

Когда они поднялись на мост, взошло солнце.

Гудок Большой Мануфактуры, все заглушавший, вдруг смолк, и сразу же стал слышен трезвон колоколов.

Звонили на всех сорока колокольнях Ярославля. Звон был нестройный, залиvistый и разудалый, как на Пасху.

Настя и Константин Федотыч уже спускались с моста, когда навстречу им попался Вася Васильков, кочегар с мельницы Вахрамеева. Он весь был вымазан сажей, сажа висела даже на кончиках его лохматых рыжих усов.

— Константин Федотыч! — закричал он. — Назад! Назад!

Васильков запыхался от быстрого бега. Схватив Константина Федотыча за плечо, он потащил его обратно через мост.

— Пусти, — строго сказал Константин Федотыч и отстранил руку Василькова. — Мне надо в банк.

— Нельзя тебе в город, — понизив голос, сказал Васильков. — Убьют.

Белки его глаз сверкнули.

— Погляди, — продолжал он поспешно и, засунув руку в карман, вытащил вчетверо сложенный лист мутно-желтой оберточной бумаги. — Вот, с забора сорвал.

Он развернул лист, и Настя через плечо Константина Федотыча увидела крупно отпечатанные буквы. «Граждане! — прочитала она. — Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута...»

— Бегу на Большую Мануфактуру, — сказал Васильков, складывая лист и засовывая его в карман, — предупредить.

Он побежал, стуча сапогами по деревянному настилу моста.

Константин Федотыч спустился с моста и вошел в город. Настя едва поспевала за ним. Он поглядел на нее через очки.

— Шла бы ты домой.

— Нет-нет, Константин Федотыч, — испуганно сказала Настя, боясь, что он будет настаивать. — Мне надо...

Но он промолчал, и она была ему за это благодарна.

Они шли мимо беленых кирпичных стен Спасского монастыря. У монастырских ворот Настя еще издали заметила несколько бородачей в черных рясах. Ворота были заперты, но рядом находилась маленькая, очень узенькая дверца, которая то открывалась, то закрывалась. Кучка монахов хлопотала перед этой дверцей, стараясь протиснуть в нее какой-то странный неуклюжий предмет. Настя никак не могла рассмотреть, что это был за предмет, так как широкие рясы ежесекундно заслоняли его. И только в последнюю минуту, когда неуклюжий предмет этот начал наконец протискиваться через узкую дверь на двор монастыря, ей удалось кое-что разглядеть, и у нее возникла неожиданная догадка.

ЯРОСЛАВЛЬ

Взглянув в лицо Константина Федотыча, она поняла, что не ошиблась.

Монахи втащили во двор монастыря пулемет.

Заметив посторонних, они, оглядываясь, стали поочередно один за другим нырять в дверцу. Через минуту возле ворот уже никого не было, и только огонек лампадки, еле видный при ярком свете утра, дрожал перед запыленной, вделанной в стену иконой.

Настя потеряла Константина Федотыча в толпе. Над толпой что-то блестело, сверкало, качалось. Это шел крестный ход с хоругвями и иконами. Настю оттеснили к стене, и она остановилась, глядя на попов, которых было человек десять, на каких-то бородатых мужиков, на толстых баб в платках, на стариков в чиновничьих шинелях, на дам с детьми. Она уже почти год не видела таких лиц и одежд, — казалось, будто их где-то хранили и потом разом вытрясли на улицу. Сняв шапки, они восторженно и умильно пели и, толкаясь, медленно двигались вперед.

Настя сделала попытку протискаться, но ее скоро окончательно сдавили. Сзади что-то теснило крестный ход, оглушительно грохоча по булыжной мостовой.

Толпа испуганно раздалась, и Настя увидела длинное артиллерийское орудие, запряженное четверкой лошадей. На орудии сидели офицеры с погонами и Георгиевскими крестами. За орудием везли зарядный ящик, а за ящиком шел вооруженный винтовками отряд человек в шестьдесят — офицеры и гимназисты.

Все это двигалось к мосту через Которосль.

Сдавленный крестный ход сгрудился вокруг икон и хоругвей. Иконы и хоругви вертелись. Визжали женщины. Несколько шапок полетело вверх.

Выбравшись из толпы, Настя прибавила шаг и почти побежала, боясь, как бы ее не узнали. Она думала только о Павле Ивановиче. Где он? Что с ним сделали?..

Мимо нее проносились грузовики, но она, оглушенная колокольным звоном, бежала, не глядя по сторонам, до тех пор, пока снова не наткнулась на кучку людей.

Люди стояли неподвижно и рассматривали что-то, лежавшее на панели у ворот двухэтажного каменного дома.

Насте сначала показалось, что это мешок или свернутый брезент.

Но затем в этой тряпичной груде она смутно угадала очертания исковерканного человеческого тела.

Не веря себе, она шагнула вперед, расталкивая людей. Она увидела ноги в темных холщовых брюках, неестественно вывернутые, словно сломанные.

Он?

И хотя она знала, что это не он, что он гораздо крупнее, она поспешно протолкалась вперед, чтобы увидеть лицо.

Она искала лицо, но не сразу нашла его. Вот это багровое, вздутое, исковерканное было когда-то человеческим лицом. Один только глаз был цел — мертвый, карий, раскрытый, он смотрел в небо. И вдруг Настя вспомнила, что она видела когда-то, как этот глаз улыбался. И по глазу она узнала убитого.

Это был Давид Закгейм, председатель исполкома.

Люди угрюмо и молча смотрели на труп. И в тишине отчетливо было слышно дребезжание извозчичьих дрожек, вынырнувших вдруг из-за угла.

На дрожках во весь рост стоял высокий полный мужчина во фраке, с белым галстуком. Он был без шляпы, светлые растрепанные волосы курчавились на голове. Дрожки подбрасывало, и при каждом толчке он покачивался, с трудом удерживаясь на ногах. Маленькие голубые глаза на пухлом красноватом лице светились той тусклой осатанелостью, какая бывает у пьяных. Быть может, он действительно был пьян.

Когда дрожки поравнялись с толпой, он дотронулся белой мягкой рукой до плеча извозчика, и дрожки остановились. Он поставил ногу в черном лакированном ботинке на подножку, и дрожки скривились набок под его тяжестью. Он пошел к трупу, и толпа расступилась перед ним.

Это был Лопатин, бывший городской голова Ярославля.

У трупа он постоял несколько секунд. Он молча глядел на окровавленное лицо Закгейма. Потом кончиком ботинка, отражавшим солнце, толкнул убитого в бок.

Никто не сказал ни слова.

Он влез на дрожки и стоя уехал.

В ту минуту, когда вой гудка внезапно смолк и стал слышен нестройный колокольный звон, гремевший над городом, Ваня подбегал к баракам, в которых жили рабочие Большой Мануфактуры.

Ваня никогда не работал на Большой Мануфактуре, но часто бывал в этих бараках и хорошо знал тот запах, который, никогда не исчезая, стоял вокруг них в воздухе — смешанный запах пеленок, капусты и дыма. Сейчас, в свежести утра, этот запах был особенно силен.

Несмотря на ранний час, в бараках уже никто не спал, и все окна и двери были распахнуты настежь. Заглядывая на бегу в эти окна и двери, Ваня скорее угадывал, чем видел, деревянные нары, тянувшиеся в два этажа вдоль стен. Там, в темноте, мелькали лица, руки, плечи, слышались приглушенные голоса мужчин и женщин, плакали дети.

Из раскрытых дверей выскакивали ткачи и ткачихи и всё растущей толпой бежали туда, куда бежал Ваня. На всех лицах, таких разных, молодых и старых, было одно и то же выражение — тревоги и твердости. Еще никто не знал толком, что произошло, но спрашивали друг друга мало и здоровались безмолвно — кивком.

Перед темными корпусами Мануфактуры на зеленом лугу возле Которосли стояло уже человек двести. Здесь было тихо и солнечно.

Оглядывая толпу, Ваня искал знакомых красногвардейцев. На Большой Мануфактуре был красногвардейский коммунистический отряд из семидесяти человек. С этим отрядом Ваня обучался стрельбе — он был водник, но водники своего отряда не имели, и он ходил к ткачам. Он сразу нашел их — они стояли кучками и были хорошо заметны, так как все прибежали с винтовками.

Они тоже почти ничего не знали. Известно было только, что в городе белые. Вполголоса рассказывали друг другу, что еще вчера вечером кто-то встретил в городе офицеров в полной парадной форме, с погонами и кокардами — нахально гуляли по бульвару. Говорили, что они съехались в Ярославль с разных концов, а главным образом из Москвы, переодевшись — кто нищим, кто дьяконом, кто мешочником, кто мужиком. Ночью они захватили арсенал на Волжской набережной и объявили новую власть.

— Да что за власть? — спросил Ваня у Одинцова, пробегавшего мимо.

Одинцов повернул к нему свое молодое узкое лицо с обезображенным беззубым ртом. На Мануфактуре после революции Одинцов один из первых примкнул к большевикам, и зубы ему выбили меньшевики в ноябре семнадцатого года.

— Вон, почитай, — сказал он Ване и кивнул в сторону кучки людей, которые что-то разглядывали, тесно прижавшись друг к другу.

Ваня подошел к кучке и, протискавшись вперед, увидел вымазанного сажей Василия Василькова. Васильков держал в руках большой лист бумаги, на краях которого чернели отпечатки его пальцев. Он ни за что не хотел расстаться с этим листом и не выпускал его из рук. Все жались к нему, стараясь увидеть, что там написано. Ваня, вытянувшись, с трудом прочитал несколько строк.

«Мы действовали, — напечатано было на листе, — вместе с Северным и Самарским правительством и подчинились общему главнокомандующему генералу Алексееву. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий, и большевики, засевшие в Кремле, будут сметены с лица русской земли...»

— А подписи? — крикнул кто-то Василькову. — Читай подписи!

— «Главномандующий, — прочел Васильков вслух, — командующий Северной добровольческой армией Ярославского района полковник Перхуров. Заместитель, помощник главноначальствующего по гражданской части, член Управления И. Т. Савинов».

— Как, Иван Тимофеич? — воскликнул Ваня изумленно. — Крупитчатый?

Ивана Тимофеича Савинова знали все. Это был один из самых видных ярославских меньшевиков. Он одевался как рабочий — высокие сапоги, косоворотка, стригся под скобку и выступал на всех митингах. Его прозвали Крупитчатым, так как свои речи он начинал с того, что, если бы все стояли за Учредительное собрание, у всех были бы белые крупитчатые булки.

НИКОЛАЙ КОРНЕЕВИЧ ЧУКОВСКИЙ
ЯРОСЛАВЛЬ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры София Сумарокова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.09.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

A-LMR-43457-01-R